

СВЕТЛЯЧОК

21.05.2012

№6 (14) Май 2012 года

• Обратная связь

Партизанская землянка

«Ничто на земле не проходит бесследно», - как поётся в известной песне. Долгие годы я жил и работал в Андреаполе, поэтому регулярно и с удовольствием читаю ваш «Светлячок» в Интернете. Когда увидел стихотворение Михаила Казекина и материал о нём, вспомнилась молодость так ярко, что захотелось откликнуться на публикацию. Воспоминания о первой моей поездке в Жукопу касаются 1973 года, но они явно не на одну страницу, к тому же напоминают то ли фантастическую, то ли детективную историю. Так что, если будет возможность, предложу их для публикации позже. Кстати, у меня предложение: а почему бы вам не завести рубрику «Как молоды мы были»? Отбою не будет от авторов. А сейчас о Казекинском стихотворении «Партизанская землянка». Я, как и автор М. А. Казекин, имею к землянке, о которой в нём говорится, непосредственное отношение. К тому же сохранились в моём домашнем архиве и снимки о событии тех теперь уже далёких лет.

Через год после такой памятной первой поездки в Жукопу, когда я работал уже первым секретарём Андреапольского райкома комсомола, обкомом было принято решение о проведении у нас в районе Областного партизанского слёта на месте базирования нашего партизанского отряда, как раз в лесах под Жукопой. Началась подготовка.

Тогда был ещё жив комиссар партизанского отряда Иван Семёнович Борисов, бывший первый секретарь Андреапольского райкома КПСС. Он, я, первый секретарь райкома КПСС Пётр Иванович Фёдоров, член партизанского отряда Яков Кириллович Кириллов по узкоколейке поехали на место былых событий. Со стороны Жукопы к нам подъехал на мотовозе Казекин, на ту пору начальник лесоучастка. За 40 послевоенных лет от землянки почти ничего не осталось. Решено было её восстановить. Это и сделали под руководством Казекина комсомольцы Жукопского лесоучастка. Кроме того, они оборудовали само место для приёма гостей, сколотили столы, скамьи, чтобы партизанам было где принять фронтовые сто грамм и пообедать из полевой кухни, которую обеспечили бойцы воинской части. Комсомольцы трудились с энтузиазмом и, конечно же, бесплатно. Всё необходимое оборудование было доставлено на партизанскую поляну на тех же вагончиках узкоколейной железной дороги.

Слёт прошёл на славу, бывших партизан съехалось с разных концов страны около 100 человек. Кинематографисты отсняли документальную ленту, и долго потом в киножурнале перед каждым фильмом её крутили в городском кинотеатре «Двина», и мы следили за знакомыми лицами на большом экране.

Сейчас ходу туда нет, узкоколейка больше не существует. Нет и многих участников тех событий, поэтому так дорого каждое воспоминание оставшихся в живых. Осталось и стихотворение М. А. Казекина, навеянное этим событием и расшевелившее мою память.

**Виктор Петров,
г. Конаково.**

На снимке (слева направо): Я. К. Кириллов, И. С. Борисов, М. А. Казекин (на заднем плане).

Предложение Виктора Николаевича Петрова о создании новой рубрики «Как молоды мы были» нам показалось интересным. Это не что иное, как мемуарная литература. Только писать эту книгу - вам, дорогие читатели. Ваши личные воспоминания - это тоже история нашего края. Первым материалом в ней и будут воспоминания В. Н. Петрова о поездке в Жукопу, которые вы прочтёте в июльском номере «Светлячка».

• Размышления о прочитанном

Время жестоких чудес

Пятьдесят лет тому назад (вот уж точно юбилей, без натяжек) появились первые переводы на русский язык лучшего из романов Станислава Лема «Солярис». Сначала – сильно сокращённый в рижском журнале «Наука и техника» (№№4-8, пер. М. Афремович), чуть позже - неплохой, но опять же сокращённый в ленинградской «Звезде» (№№8-10, пер. Дм. Брускин). Полный перевод (Г. Гудимова и В. Перельман) мы имеем с 1976г. Эти переводчики вернули названию планеты Солярис женский род (как у Лема в оригинале) и слегка изменили имя героини в «Хэри» вместо «Хари» у Брускина.

Я решил немного написать о романе «Солярис» ещё по двум причинам. Он отнесён к так называемой «научной фантастике». Часть читателей это может отпугнуть – и зря: отличная проза, её можно читать, игнорируя космическую специфику (в ней иногда путается сам автор). Есть ещё одна сложность: фильм Андрея Тарковского, снятый (вторая серия) не столько, как говорится «по мотивам романа», сколько по самому роману. И книга, и фильм сделаны на грани гениальности, но восприятие этих двух произведений искусства затруднено их необычностью. Недавно вышла новая версия фильма. Я почти ничего о ней не знаю, но примечателен сам факт: образы романа продолжают волновать. Попробуем разобраться чем это вызвано. Автор переносит нас в умозрительное будущее. Человечество овладело секретом межзвёздных полётов и исследует Галактику. Была открыта и планета Солярис. Далее выяснилось, что она движется по орбите, противоречащей законам небесной механики, т.е. движением планеты кто-то управляет.

Началась эпоха интенсивных исследований планеты. Результат многолетних усилий учёных оказался таков: планета населена одним-единственным обитателем – образованием названным по земной аналогии «Океан». Но все попытки установить контакт с разумным Океаном были тщетны. Наука (в главе «Соляристы» Лем иронизирует над ней в духе Дж. Свифта), накопив массу фактов и систематизировав их, зашла в тупик. На огромной научной станции, парящей над Океаном, осталось трое исследователей.

Главному герою романа Крису Кельвину поручено разобраться в ситуации и принять решение о свёртывании работы, унесшей много человеческих жизней, сил и средств.

Крис Кельвин приступает к выполнению задания. Прибыв на станцию, он обнаруживает её в плачевном состоянии. Сарториус (хладнокровный интеллектуал) самоизолировался. Гибарян покончил жизнь самоубийством. Снаут находится на грани нервного срыва, но предупреждает Кельвина о возможном визите неких «гостей».

Проделайте мысленный эксперимент. Представьте, что вы – космонавт. Вы просыпаетесь на космической станции, находящейся в глубинах Вселенной. А в вашей каюте сидит и спокойно смотрит на вас ваша бывшая любовница, погибшая на Земле десять лет тому назад, причём в её гибели есть некоторая доля вашей вины... Согласитесь, даже вообразить такое страшно.

Крис Кельвин, понимая, что никакой реальной «Хэри» здесь быть не может, действует решительно и жестко: обманом усадив «Хэри» в ракету, он отправляет её туда, откуда она явилась – в космос. Несложно догадаться, что Хэри вернётся...

Крис понимает, что ситуация требует серьёзного анализа. Он наделён всеми необходимыми качествами: выдержкой, сообразительностью и т.п. Ему понадобилось не так уж много времени понять: не только люди ищут контакта с Океаном, но и он – с ними. В попытке понять людей Океан материализует их инкапсулированные воспоминания. Что это такое? Вот что. У каждого из нас бывало в жизни такое, что хочется забыть, ибо постоянно жить с данным воспоминанием невозможно – свихнёшься. Поэтому оно как бы «забывается», прячется вглубь – инкапсулируется.

У Криса была любовница – Хэри, девушка излишне впечатлительная, слишком нервная, чем «достала» Криса, и он решил её бросить, невзирая на её угрозы покончить с собой. Крис не придавал её словам значения: кто не бросал, кого не бросали? Но Хэри действительно сделала себе смертельный укол. Хэри и в земном, и в космическом воплощении наделена слабой психикой и

(начало на стр.2).

склонна к суициду. Она и на станции, осознав, кто (или что) она, сразу же ищет смерти.

Крис срывает с себя маску космического героя и мудро решает: будем жить. Да и почему им не жить? Пусть Хэри не «настоящая», но она добрая, ласковая, понимающая, любящая женщина. К ним – кажется – вернётся взаимная любовь.

Но Хэри решает иначе. Она даёт Крису снотворное. Когда он приходит в себя, то узнаёт, что Хэри больше нет. Она уговорила Сарториуса и Снаута убить себя, не желая быть обузой для Криса.

Хотя Лем не принял версию Тарковского: «Он населил мою Солярис своими родственниками!» - нельзя не отметить финал фильма: Земля в воспоминаниях Криса становится всё меньше, а Океан – больше. Наконец, он поглощает маленький остаток земли. Смысл очевиден.

«Книжный» Крис принимает такое же решение: продолжить исследования, остаться здесь самому. Бывают ситуации, отступив в которых, ты уже не можешь уважать себя. Крис намерен продолжить «время жестоких чудес», - так он сам определил суть произошедшего с ним на Солярис.

Законный вопрос: к чему нам сейчас эта околосмическая выдумка полувекковой давности?

Конечно, здесь и предупреждение: будущее может оказаться вариантом прошлого. Тут и чёткая мысль об ответственности личности за каждое решение в жизни и возможной расплате за ошибку. И ещё аспект. Человек – не только потребитель. Он ещё и творец. И своей судьбы, и судьбы своих детей, и судеб своих близких. «Научно-фантастический» Крис Кельвин в своей жизни рассеяно прошёл мимо великой любви, и она погибла навеки.

Роман Лема заставит внимательного читателя сопереживать, думать. Он расширяет круг знаний. В нашу убогую эпоху, когда знания сплошь и рядом подменяются сведениями, причём подчас самого бессмысленного свойства (например, подробности жизни «звёзд») такие романы как «Солярис» приобретают особую ценность. Как знать, если бы тем двум несчастным школьницам давали поменьше «гламура», а побольше «дискурса», они бы не бросились с крыши 16-этажного дома.

Фантастическим предположением закончим разговор о фантастическом романе.

М. Никоноров

• Земляки из далека

В дождь

Люди прячутся под крышу,
Дождь заладил проливной,
Шёл бы он немного тише,
Чтоб скорей прийти домой.

Разве хочется промокнуть?
Девушка берёт такси,
Дождик трогает за локоть,
Разрешенья не спросив.

На кого сердиться снова,
Если улицы пусты?
Вот таксист весёлый Вова
Удивился: Кто же ты?

Кто тебя обидел? Осень?
Или лето, уходя?
Мы со снега тоже спросим,
Как и с шумного дождя.

Где гулял он, кто заметил.
Дождь опять запел без нот:
Снег всегда мечтал о лете,
Только всё ж к зиме идёт.

Можно спрятаться под зонтик,
Можно в дом закрыться свой,
Только там, где вы живёте,
Снега нет, и дождь другой.

Кленовые росы

Говорят, что от ненависти до высокого чувства
Шаг лишь один, ну а если любовь
Вместо радостной становится безнадежно
грустной,

И жизнь становится какой-то иной?

Если бьётся тревожно сердечко, похоже,
Ты глядишь на себя, словно рисуешь портрет
Чего-то фантастически уродливого... Ну и что же,
Если прекрасного, давно уже нет?

И любовь увядает, чтобы быть продолжению
Форм иных, вот и шахматы на доске,
Это король уходит в страну Есению,
Где живут лишь стихи на кленовом листке.

**Т. Лапко,
г. Великие Луки**

НА КОНКУРС «ВОТ СИЖУ Я У ОКНА...»

Будто было не со мной...

Опять подняло, как всегда. На часах нет ещё и шести. Пачка сигарет на столе, рядом зажигалка. Вроде бы и не стоит курить, домочадцы спят. А что делать? Полупотное окно. Снег. Даже, вроде бы, метёт. Никого. Улица пуста. Выкурил одну сигаретку, за другую взялся. И нахлынуло. Вспомнил маленьким себя дошколяткой.

Ах, окно моё окно, словно зеркальце.

Если стану вспоминать, то не верится.

Будто было не со мной всё, что кажется.

Кто такое рассказать вдруг отважится.

А дело было в самый Новый год. Школьники шли на Новогоднюю ёлку, а кто постарше - посмотреть на новую поросль. Снег. И я – в задрипанном пиджачке, подпоясанный каким-то кушачком. И вдруг приглашение: «Пошли на ёлку!» В то время для меня, что ёлка, что берёза были равнозначны. Но если приглашают, то надо идти. А приглашала баба Галя. Она была горазда куда-либо сходить, а в этот раз шла на ёлку.

До места, где проводили ёлку, нужно было идти километра три, а может быть, и больше. В лесу красота стояла невероятная!

Теперь думаю, что я в полной мере не мог осознавать тогда всю прелесть зимнего леса. Она, по малости лет, была мне не доступна. И всё же ощущение зимней сказки осталось до сих пор.

Но мне было не до красоты. Я шёл на ёлку. Первый раз в своей жизни. Нет, я видел ёлку как дерево, но наряженную – никогда. Наконец, баба Галя, а за ней и я, дошли.

Ах, окно моё окно, словно зеркальце.

Если стану вспоминать, то не верится...

И вот мы там, куда спешили. В школьном классе стояла красавица ёлка. Электрических гирлянд тогда не было, да и света электрического не было. Были керосиновые лампы. Игрушки сделаны руками ребят: бумажные зайчики, белочки, самодельные гирлянды. А конфеты, самые настоящие, в красивых фантиках, почему-то висели наверху. Всё показалось необычным и красивым. Хоровод, стихи под ёлкой... И вдруг ниоткуда появился заяц – страшный, большой, нарядный! Он пытался меня испугать почему-то. И у него это получилось, я спрятался за тех, кто был рядом, очень боялся зайца! Как выяснилось позже, нарядным большим зайцем была моя соседка Зина.

По окончании ёлки я получил три конфеты, не за то, что плясал или хороводил, а за то, что присутствовал.

Ах, окно моё окно, словно зеркальце.

Если стану вспоминать, то не верится.

Будто было не со мной...

Александр Павлов,
г. Андреаполь

• Мы помним вас

Эдуард Степанович Станиславенко
1940 – 2010

Родился в Белоруссии. Окончил Белорусский институт железнодорожного транспорта, а позднее факультет журналистики Ленинградской высшей партийной школы. Исколесил множество дорог, считая, что будущему писателю (а писателем он твердо стать намеревался со школьной скамьи, если не раньше) надлежит знать жизнь не по книгам, а наблюдая её изнутри.

В Андреаполь приехал в 1969 году, здесь было вакантно место в редакции районной газеты, и задержался на долгие годы. Стал редактором, обзавёлся семьёй. Возможно, и не уехал бы никогда, но, считая, что опубликовать свои литературные труды проще будет, находясь ближе к Москве, в конце 80-х переехал в Александров, где продолжал работать в газете на должности заместителя редактора. Там его и накрыла перестройка. Деньги зарабатывать никогда не умел и к этому не стремился, но в трудные дни выручил дар живописца. Выживал, продавая свои картины на Арбате.

Выйдя на пенсию, ежегодно подолгу жил в Андреаполе в однокомнатной неблагоустроенной квартирке тестя совершенным аскетом – стол, кровать, электроплитка, печатная машинка. И писал, писал... Планов было множество, но сбыться им не случилось. Андреапольская земля стала последним местом его земного пребывания.

У нас оказались три его последних неопубликованных романа. В нашей газете мы начнём публикацию нескольких глав одного из них, а продолжение разместим позднее на литературной карте сайта библиотеки. Романы он хотел издать под псевдонимом Ян Бресслав.

М. Петрова

Ян Бресслав

Светотени

(отрывок из романа)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

1

– Ни дня больше. Я ушел. Да, уже ушел! – крикнул он, встретив тревожный взгляд матери, ставившей на стол тарелку с блинчиками. «Начнется сейчас. Уговоры, слезы, сопли...» Отодвинув недоеденную котлету, принялся за любимые творожники. – Котлета какая-то... – поморщился, понимая, как ужасна для нее эта новость. И жаль ее было, но нельзя по-другому. Нельзя.

– Что значит ушел? – приняв блюдо с охаянной котлеткой, взглянула растерянно Нина Михайловна, веки у нее подозрительно покраснели. – Это как, Олег... я не понимаю.

– Что понимать, – усмехнулся он в тарелку. – Ушел и все. Сессию не буду сдавать, вот что!

Ей захотелось сесть, полное белое тело ее отяжелело, но в такую минуту она не могла быть слабой.

– Что за глупости! Или... случилось что-нибудь?

– Да, случилось! То, что институт ваш мне не нравился никогда! и нужен он мне, как рыбе зонтик! и я бросаю!.. бросаю! да!.. – закричал сын запальчиво, брызгаясь сметаной, и неловко обтер рот ладонью. «Что-то я ору... тише надо. Я все уже сказал».

– Не говори глупостей, – повторила она, волнуясь, собираясь с мыслями, и опустила рядом на стул. – Должна же какая-то причина?..

– Знаешь ты причину! – насмешливо и уже равнодушно ковырял он в тарелке вилок. «Как клуша... квохтать теперь...» – думал он презрительно, вперед зная, что мать скажет, и начиная тосковать. Уйти он решил твердо, убеждать других было скучно, но нужна же ему квартирка и надо на что-то жить.

– Но так не делается, Олег. Чего стоило нам, ты знаешь...

– А зачем? Зачем?

– Образование и диплом...

(продолжение на стр. 6).

(начало на стр.5).

– Начал я на диплом! Не нужна мне эта специальность! Время только гроблю!

«Как легко у него все», – подумала Нина Михайловна, глядя сокрушенно на сына, чувствуя, что затеян им разговор неспроста, отговорить будет трудно, и прикидывала уже последствия.

– Ну, положим, не нравится, и ты хочешь переменить... я могу понять, – убедительно-ласково тронула она его за плечо. – Но не так же, не бросать же институт! Ты что, сынуль... Готовься сейчас и сдавай сессию. А потом подумать можно и о переводе.

– Куда? Каком? – взвился он. «Ах, дурак... Ничего не надо было говорить! А завалить сессию, отчислили бы – и точка!» – В такой же другой, да? А смысл? смысл?

– Тебе что же... никакой вуз не подходит? – сощурилась мать.

Олег встал – худой, долговязый, с русой, как у отца, гривкой и его серыми глазами, и самоуверенное выражение на подвижном лице сменилось самодовольной ухмылкой.

– Был такой Толстой, Лев... тот что закончил?

– Ну, сравнил!

– Вузы есть, только не переводом. И не о том речь! А сделать надо... Показать и доказать там, понимаешь?

– Не понимаю. Что кому показать?

– Ну-у-у, мать... – протянул он покровительственно, расхаживая по кухне и открывая по очереди дверцы шкафчиков. «Как маленькая, честное слово. Уже и дети теперь понимают...» Но без нее никуда, приходилось объяснять. – Работу какую-никакую. Ну, клип там... фото, репортаж, не знаю.

– Так ты... про кино, что ли?

– Телекамеру я зачем, думаешь, купил? А-а-а!

Нина Михайловна рассмеялась, даже рукой взмахнула.

– Брось, Олег, не смейся. Камеры и фотоаппараты у всех теперь. И что? Так все и режиссерами стали?

– Именно – не все! Авторучки тоже у всех и пишут все, а писателей много? – вскипел он снова. – А теперь, когда телевидение и интернет, и картинка везде и всё вытесняет... ты понимаешь? Вот что...

– Так вот этим... ты *этим* хочешь заняться? – разочарование ее было искренно и обидно. – Это же не специальность... это хобби, сынок!

– Еще какая специальность! – возразил он уверенно и насмешливо: «ты что, мол, в этом понимаешь!» – Ребята, знакомые мои... никакие не профи... а такие штуки, знаешь, делают! И зашибают, представь!

– Ох, Олежка... – вздохнула огорченно Нина Михайловна, медленно вставая, и принялась убирать со стола. – Какой ты ребенок еще, смотрю.

Сын, сузив глаза, остановился, сунул руки в карманы.

– А вот это не надо... ребе-е-енок! – передразнил он с ожесточением. Атмосфера родительской опеки и детской его несамостоятельности, царившая в доме, давно ему осточертела. – Я не за советом пришел. А ставлю в известность. Все уже решено!

– Ну, ну... – невнятно сказала мать, обмахивая стол полотенцем. Вдруг она повернулась к нему с порозовевшим возбужденным лицом. – Как ты не понимаешь, сынок! Ты же просто повиснешь! Ну, хочешь снимать – снимай, но параллельно... зачем учебу-то бросать? А получится что-то...

– Да не получится! Мне время надо, время! Либо одно, либо другое!

– Но одно – институт – у тебя есть, а другое – еще неизвестно...

– И не надо! Не надо! В любом случае *гидротехником* я не стану! Как бы вам этого ни хотелось! – прибавил он ядовито. «Что-то я ору... как слабак. Противно даже».

– Не насильно же мы тебя в институт...

– Не насильно, пусть! Я сам! Сам сделал ошибку и сам исправляю. Так в чем дело? В чем, я вас спрашиваю, дело?! – возопил он с истерической ноткой, понимая, как это некрасиво, но на мать

(продолжение на стр. 7).

(начало на стр. 5-6).

наверняка подействует. – Могу я распорядиться собственной жизнью? Могу?!

Вспомнив давешнюю свою решимость, и твердость, и то, с каким железным спокойствием хотел сообщить эту новость, он ужаснулся своей хлипкости. Откинув занавеску, уставился молча в темное от зимних сумерек окно, и, глядя на свое отражение, принял вид независимый и холодный. «Мужественный профиль вернул ему самообладание, – подумал он. – Он должен идти до конца...»

– Никто же и не покушается... Разве мы плохого тебе хотим? – говорила расстроенная Нина Михайловна, машинально переставляя на столе сахарницу, солонку и оправляя в вазочке салфетки.

Он не удостоил ответом.

– Но не так же, сынок... раз – и готово.

«Он был уже далеко... он видел завтрашний день», – размышлял, почти не слыша матери, Олег, пытаясь восстановить утраченное равновесие, и чувство безмятежной отстраненности возвращалось к нему.

В прихожей стукнула дверь: пришел отец. «Вот и кстати», – подумал он без воодушевления, внутренне подбираясь, и покрасневшее пятнами лицо его приняло вид независимый, почти гордый.

2

– А, и ты дома... – улыбнулся Дмитрий Иванович, приглаживая редкую гривку над морщинистым высоким лбом, слишком белым против румяного с мороза лица. – Давно не был.

– Зато с новостью вот... – не вытерпела Нина Михайловна.

– Что такое?

«Ну, начнет учить... учитель», – приготовился, усмехнувшись, Олег. Главное было сказано, оставалось лишь отбивать неизбежные, но бесполезные уже удары.

– Институт, говорит, брошу.

– Это что... – отмахнулся, как от глупой выдумки, Дмитрий Иванович.

– А я не шучу! – заявил сын с вызовом.

– Да не сомневаюсь, – со спокойной иронией, будто и не ждал от него другого, пробубнил отец, и Олега это разозлило.

– Да, ухожу! Завтра же!

– И далеко, позволь спросить? – уже откровенно улыбнулся Дмитрий Иванович. – Далеко шагнешь?

– Снимать хочет... клипы там всякие... – волновалась Нина Михайловна.

– А-а-а! – радостно вскинул руку Дмитрий Иванович. – Понимаю. Замечательно!

– Почему б и нет? – вздернулся Олег. Он решил твердо отбить все их посягательства, но спокойная издевка отца выводила из себя.

– Да клипы, клипы!.. конечно же, клипы! – раскатисто, на всю квартиру, пророкотал Дмитрий Иванович, повесив пальто и потирая холодные руки. – Девчушки – те в модели, а мы... Можно и в актеры, понятно... или даже певцом... а, мать? – взглянул он на жену округлившимися от смеха глазами, но та не поддержала его веселья.

«Юморист фигов, – скривился Олег. – Как перед школярами своими...»

– Ну... вы беседуйте тут, – махнул он раздраженно, собираясь выйти.

– Это же серьезно, Дим... – заторопилась Нина Михайловна. – Ему, может быть...

– Что серьезно? Этот балаган, эти клоунады тэвэшные – серьезно? Пусть, ладно, он... – запнулся, кивнув презрительно на сына, Дмитрий Иванович, – но ты-то соображаешь?

– Не тебе ж... не тебе и предлагают! – вспылил, задетый обидным этим умолчанием, Олег.

– А! Так уже предлагают? – изумился отец радостно. – Это что же и кто? Оч-чень любопытно! Оч-чень!

– Да о чем вы! – перебила расстроенная Нина Михайловна. – Не по душе ему институт, вот что...

(продолжение на стр. 8).

(начало на стр. 5 -7).

Мать, понял Олег, если и не на его стороне, то все же сочувствует, и воодушевился.

– Почему я должен жить, как *вы* хотите? – выкрикнул он с вызовом. – Свою жизнь я проживу, как я хочу! Я свободный, в конце концов, человек!

– Это мы-то тебя неволим? – всплеснула руками Нина Михайловна.

– Ты – свободный? – сощурился отец. – Да ты раб! Раб порывов и позывов своих, то бишь соблазнов. Думаешь, если делаешь, что хочется, потакаешь прихотям и похотям, так и свободен? Нет! Вот кто владеет и распоряжается собой – тот свободен!

– И что ж он делает, такой свободный? – вцепился Олег.

– То, что надо! Что необходимо!

– А я не о том? Не нужен мне этот институт, не нужен! Нет в нем необходимости! А снимать, фотографировать... вот это мое!

– С каких это пор? Насмотрелся по телевизору, нахватался у приятелей – и твое? Чушь собачья! Твое тут только желание высунуться, покрасоваться, да еще, может, легких денег. Пустой номер!

– Не пустой!

– Абсолютно пустой! – из спальни, куда зашел переодеться, выкрикнул отец. Выйдя оттуда в своей синей навывпуск футболке, спортивных брюках и шлепанцах, он казался скорее насмешлив, чем сердит. – Это же поветрие. Из скольких голов мозги уже выдуло! Я понимаю... ты хочешь сплошных благ – и немедленно, так? А ты заслужил? – глянул с проницательной иронией. – Чем ты так хорош, чтоб претендовать? Стань-ка сперва хорош, великолепен, прекрасен! Нет! Тебе хочется, чтоб само с неба свалилось или на блюдечке поднесли. А так, друг, не бывает! Так в мире устроено, что пока мы несовершенны, пока жадность, зависть, злоба, страсти всякие нас мучат, все мы – хотим или не хотим – будем вариться в этом котле добра и зла, пока во что-нибудь вываримся...

Что-то подобное Олег слышал, отец повторялся, и его рассудительный тон раздражал, как нудное назидание. Поддаться уговорам нельзя было ни в коем случае.

– Нет добра и зла! – выпалил он. – А только сила и слабость! Добро и зло – удел слабых... сильные выше этого!

– О! – с насмешливым удивлением воззрился Дмитрий Иванович. – Сверхчеловек, мать, у нас вылутился! Ты думала, нормальный птенчик, а его кукушка подбросила. Не твое дите!

– Ох, – улыбнулась слабо Нина Михайловна, болезненно переживавшая этот разговор. – Какое ни есть, мое...

– Именно кукушка! – подхватил горячо сын. – Из гиперборейских лесов! И потому никаких трусливых компромиссов! Никаких!

– Ба, да он же ницшеанец! – уставился изумленно Дмитрий Иванович. – А я думаю, куда две книжки мои пропали? Ну, и учителя нашел!

– Ницше – великий философ! Величайший! – вскрикнул Олег.

– Ну, коли сверхчеловек, то конечно... Только не философ, а козел, забравшийся в философский огород. И кончил тем, к чему шел: спятил с ума!

– Да при чем... Это же болезнь!

– При том, что он низвел человека до животного! Где не разум, не понятия добра и зла решают, а одни инстинкты, сила и слабость. И недочеловека этого нарек сверхчеловеком. И этот вот примитив, козлиное это мировосприятие – философия? На других ума у тебя, что ли, не достало? – Отец не возмущался, он откровенно потешался, не подозревая, казалось, в сыне даже способности что-то понять. – И этот бодливый, брызжущий слюнями козел – образец для тебя? – презрительно, как безбожника-немца, сверлил он Олега глазами. – Ты вот и запрыгал тут козлом: не нападешь ли на дармовщину, да? Ха-ха-ха! Так и будет: ни шерсти, ни молока, как с козла! – заключил он с убийственным сарказмом.

Олег был оскорблен. «Сам козел!» – мысленно огрызнулся он, придумывая, как побольней тоже уязвить.

(продолжение на стр.9).

(начало на стр. 5-8).

– Так вы стричь и доить меня собирались? – прищурился он ехидно.

– Тебя-то? – хмыкнул отец. – Слез бы к старости с чужой шеи, и то б хорошо.

«Это он о квартире... И что покупают мне всё. Так не он же, а мама. Он и сам на ее шее...»

– Я-то к твоим годам слезу! – блеснул он на отца злыми глазами. – Я-то слезу!..

Дмитрий Иванович, поняв намек, вспомнил о мучившей его денежной проблеме, рассердился и, подумав, что на себя он, по крайней мере, зарабатывает, вошел вдруг в пафос.

– Стричь его, ха... Да ты на себя хоть научись зарабатывать! На себя хотя бы!

– Ужинай иди, – позвала Нина Михайловна, спеша прекратить их раздражительный и бесполезный разговор. – А то поругаетесь еще... – прибавила она с виноватой усмешкой. – Утро вечера, говорят, мудреней.

– А то он... слезет к моим годам! – проворчал, уходя на кухню, отец, сильно задетый словами сына.

Глава II

1

Поужинав, Дмитрий Иванович ушел в спальню и, присев к отгороженному платяным шкафом столику, раскрыл толстую папку с чернильной небрежной надписью «Теория организмов». Перевернув пачку записок, углубился в последнюю, раздумывая, стоит ли добавить к законченной работе пару новых мыслей, или сойдет так.

«У них чисто физический подход, – читал он свою неразборчивую стремительную запись на тетрадном, в клетку, листке. – Подсчитали, что вселенная может иметь массу и заряд микрочастицы, и вот, по аналогии, макромир – тот же микромир, и вселенных в мироздании такое ж множество и разнообразие, как и частиц. Есть в квантовой космологии и другие модели, но все они воняют «дурной бесконечностью», в то время как бесконечность истинная – это бесконечность развития. Моя модель тем и отличается, что нашу материальную вселенную я рассматриваю как фундамент невидимой и неведомой еще людям Вселенной. Физики, исследуя камни и щели этого фундамента, обстоятельно, с цифрами в руках, объясняют, как устроен дворец мироздания. Но я, к счастью, не земляной червь. И фундамент, увы – не дворец».

«А не сильно я их... с червями-то?» – подумал Дмитрий Иванович, но тут мучительная досада на себя за неприятный разговор с сыном отвлекла его от записок. Зная его порывистость, он и нынешнему фортелю не придал значения, полагая, что всё, как всегда, утрясется. Но эти уколы, раздражение и злость (откровенная злоба в глазах сына больно поразила его) были тягостны и горьки. Мог ли он вообразить такую неприязнь? Наткнувшись на полуоборванные завязки своей папки, вспомнил, что купил ее в год рождения Олежки, – именно тогда появилась у него гениальная (как и поныне считал) идея бесконечно-вечного организма, и он начал делать эти заметки. Как радовался и гордился он сыном, провидя в голубоглазом губошлепе будущий талант и примечая с надеждой очевидные его признаки. Ничего сверхординарного, впрочем, не получилось, и он утешал себя, что и сам в детстве был медлителен и туповат. Но и после школы Олег не выказал пристрастий, не жаждал попасть даже, как другие, в институт, и отец махнул рукой. «Не мой сын, – думал он с горечью, – не мой. В ее, видно, породу...» Лишь благодаря усилиям Нины Михайловны, работавшей в кредитном отделе банка, Олег стал-таки студентом, и неважно уже, какой вуз и как учиться, – лишь бы закончил. И вот нате – брошу!

Дмитрий Иванович вздохнул и стал перебирать свои листки. И ведь не заставишь насильно. Да и бросит – не трагедия, в конце концов. Такова, знать, планида... Но на что позарился! На дешевку, мишуру, попсу! Не свидетельство ли скудости натуры? С беспощадной честностью вглядывался он теперь в прошлое: не виноват ли сам, не просмотрел ли, не небрежен ли с ним был? И собственное припомнил детство: никто с ним не нянчился, не натаскивал, не руководил, а вот поди ж... А холмогорский паренек-помор, пеши двинувшийся в Москву, чтоб стать великим ученым? Да... если есть что, то есть, а коли нет – чего уж...

(продолжение на стр. 10).

(начало на стр. 5-9).

Но замечание о Ницше подивило его. Ни малейшего интереса к философии у сына не было, как ни старался увлечь он его красивыми теориями, в том числе своей. Отчего бы вдруг? Почему Ницше? Может быть, и не в философии дело, но тогда в чем? Последний год они меньше общались, – что-то, возможно, он упустил. Но мать сказала бы, если что серьезное. Так, детские шалости и капризы... А может, в этом – в инфантильности – все дело?

Он попытался заняться снова записками, но сосредоточиться не мог и так, то перебирая листки, то думая о себе и сыне, просидел часа два. Бесшумно, чтоб не помешать ему, улеглась жена, и он вскоре, подумав, что уснула, тоже разделся потихоньку и лег. Но она не спала.

– Зря ты с ним так... – сказала она шепотом, и он понял, что нарочно ждала, чтобы обсудить. – Уговорить бы надо, по-хорошему.

– Уговорить можно пятилетнего. А он взрослый парень.

– Какое взрослый! Детский еще ум.

– А до каких пор? Все нянчишься, вот он и привык. И носись теперь! – выговаривал сердито Дмитрий Иванович. – Олечка то, Олечка сё... а ему это и надо!

– Ах, ну что мы особенно ему... – отмахнулась жена, во всем сыну потакавшая и потому всегда это замалчивавшая.

– И ты говоришь! А квартира та зачем? Жил бы дома, на глазах... ничего б и не было! – возмущался горячо Дмитрий Иванович, не могший понять, для чего снимать какую-то квартиру, когда ему не на что издать книжку. – Тут ему места мало? И для чего место, – чтоб не делать ничего, баклуши бить? Лоботрясничать? – недоумевал он все громче.

– Тише ты!.. – оборвала она быстрым шепотом, ткнув его в плечо.

– А неправда? Оболтус, вот он кто! – продолжал возмущенно Дмитрий Иванович. – Хоть и сын мой, а... дрянь парень!

– Да тише, Дим!.. – прошипела испуганно Нина Михайловна. – А еще говоришь, в кого... Вот в кого!

– Гм... ну да! – хмыкнул он. – Все хорошее от тебя, от меня только плохое.

На минуту стало тихо, лишь постукивали чуть слышно настенные часы.

– Явился... обрадовал, – проворчал он еще, но жена, обидевшись за сына и до завтра решив отложить разговор, не отозвалась.

«И правда, в кого?» – думал Дмитрий Иванович не раз приходившую ему мысль. «Как две капли, вылитый отец» – говорили о них знакомые; разве чуть поскуластее был Олег, повыше, погибче. Да та ж, пожалуй, импульсивность, порывистость. Но и только. Ни прилежания, ни тяги к наукам, ни способности своей к компромиссам, так иногда выручавшей, он в сыне не находил. И пришел поневоле к выводу, что дети наследуют только физические признаки, но души у них свои. Которые приходят, как гости, поселяясь в приготовленных телах, но что за гости и чего от них ждать? Веривший, что сын если и не повторит его, то хотя бы родственен будет духовно, теперь он был глубоко разочарован. «Ладно, не в меня... пусть. Но ведь и не в мать? – Он давно ревниво замечал, что Олег льнул к матери, но, был уверен, только потому, что та ему потворствовала, а он это не поощрял. – Неужели не видит, – удивлялся он ей, – что не к ней у него любовь, а к себе, – элементарный детский эгоизм? Но почему так? – размышлял Дмитрий Иванович, переходя привычно к обобщениям: даже личные неприятности не могли удержать его от анализа. – Зачем сходятся в одной семье разные души? Для испытания? Для развития? Но разве не пытался я развивать его, а что получилось?»

Жена, молчавшая рядом, тоже думала о сыне, но совсем в другом роде. Это единственный ее ребенок, других не будет. В детстве Олечка переболел всеми, какие есть, детскими болезнями, четыре раза лежала с ним в больнице, и потребность оберегать и лелеять слабое и беззащитное это существо стала уже второй натурой. Даже повзрослевший и вытянувшийся, с юношеской развязностью и огрубевшим голосом, он остался тем же наивным ребенком, нуждавшимся в помощи и опеке.

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 5-10).

На первом курсе у мальчика случилось сильное и болезненное увлечение, – похоже, безответная любовь, настоящая драма, и у нее сердце ныло при виде вертеровских его страданий. И когда, как о жизни и смерти, страшно волнуясь, он заговорил о какой-то однокомнатной квартирке близ института, она сняла ее ему, нимало не задумавшись. Даже в том, что учеба не заладилась и институт сыну не нравился, она винила себя и обдумывала теперь, как поправить дело. Безапелляционный его тон и решительность ее озадачили, но она надеялась все ж смягчить как-то и уговорить. «Утро вечера мудреней», – все повторяла она застрявшую в голове поговорку, и так с ней и задремала.

2

Олег долго ворочался и не мог уснуть на своем диванчике. «Козел!.. – вспоминал он обидные слова отца. – На шее я у него сижу!.. Сам чепухой всякой занимается, больше тратит, чем зарабатывает... и он же меня учит! Коз-зел!»

Он уверен был, что у него получится. Ничуть не сомневался, что мать поддержит, – хотя бы первое время. Пока встанет на ноги. А потом... о, потом он им покажет! Он неясно представлял это лучезарное будущее, свой праздник жизни, но восторженный гул, почти рев – «Олег Изотов!!!» – слышал так явственно, будто тысячи голосов кричали о нем за окном. Это проходили по улице снегоуборочные машины.

И она, конечно, услышит. Узнает! Он представил ее растерянную улыбку на свежем, в алых пятнах, лице – где-то там, внизу, среди сотен других лиц. Снизойдет он до нее? Вряд ли. Зачем? У него будет таких, сколько хочешь. Их будет... вот целая толпа бросается к нему, едва вышел из машины. «Мерседес»? Ну, не «жигуль» же, как у Толяна. А Толян... останутся они дружны? Возможно. Но вряд ли. Там будут другие люди, новые друзья. Холодные, могучие гиперборейцы, жители вершин...

Тут насмешливые слова отца: «сверхчеловек, мать, у нас вылупился», – пришли на память, и обидный опять «козел», и снова он пошел по кругу, понимая, что должен перестать, прекратить это, если хочет уснуть. Попробовав «отключиться», не смог все ж совсем не думать, и в голове стоял сумбур, сквозь который он задремывал, просыпался и опять задремывал, не понимая, во сне думает что-то или наяву.

Неожиданно привлекли голоса: в спальне разговаривали отец с матерью. Он догадался, что о нем, но его это не интересовало, и он лишь улыбнулся в темноте в потолок. «Иди своей дорогой, и пусть люди говорят, что угодно», – пришла на ум чья-то фраза. Не имело значения, что они там говорят, но приглушенные голоса раздражали и беспокоили. «Уснуть не дадут», – подсадовал он, заворачиваясь с головой в одеяло, и вдруг какая-то «лоботрясина» долетела и огорошила его. Он живо приподнялся и наострил уши. «Оболтус, вот кто... дрянь парень», – различил он оглушившие его слова, – кровь бросилась в голову, и он не слышал продолжения. Да и не хотел слышать. Во рту пересохло, он проглотил слюну. «Ах, вот как! – подумал он с колотившимся сердцем. – Ах, так!»

Он упал на спину, глядя широко в потолок. «Что же делать?» Первой мыслью было одеться и уйти. Это бы лучше всего. Но холод ночи его остановил. Ладно, утром.

«Но какая гадость, какая гадость!.. – думал он о случившемся. – Нет, конечно! Ноги моей здесь больше не будет! Ах, болван... и я приезжал сюда, как домой!»

«Я приехал не за деньгами, – говорил он мысленно отцу, воображая, как скажет ему это утром. – Я знал, на что иду, и на вашу помощь не рассчитывал!.. («вашу» или «твою»?) на твою помощь не рассчитывал! Ноги моей здесь больше не будет! – Да, скажу это и уйду. Только он подумает, что я для того, чтоб и ему потом не помогать. – Я не настолько подлец, чтобы не помогать родителям!.. – скажу я. Да, я не подлец. Но я лишу его большего – лишу своей любви...»

Эти и похожие мысли навязчиво и беспокойно клокотали и бурлили в нем. «Дурак, спи! – говорил он себе. – Все тебе ясно, спи!» Закрывшись с головой, он пытался придушить их и достигал на минуту цели, но едва забывался, все снова повторялось.

(продолжение на стр. 12).

(начало на стр. 5-11).

«Разве дело в деньгах, в несчастной этой квартирке? – думал он, забыв, что только что заставлял себя уснуть. – Дело в том, что я чужой для него человек. Я скажу: если я оболтус и дрянь...»

«Сколько я уже не сплю? – спохватывался он, приподнявшись и дотягиваясь до часов. – Без двадцати четыре. Спать, спать...» Наконец, устав от переживаний, он уснул под самое утро, потев под сбившимся одеялом.

Очнувшись, тут же вспомнил, что случилось что-то очень неприятное, обида опять стала свежа и остра, и ночные мысли вернулись. «Нет, конечно. И – совсем конечно. Минуты здесь не останутся!»

В прихожей после негромкого какого-то разговора стукнула дверь и стало тихо.

«Ушел!..» – пожалел Олег. Он быстро встал и оделся. Выйдя умыться, увидел мать, хлопотававшую на кухне. Она взглянула с улыбкой.

– Выспался?

Он хмуро промолчал, утираясь.

– Олежек... все еще можно поправить, – сказала она негромким убедительным голосом. – Я вот что...

– Хватит об этом! – отрезал он и крепко сжал губы.

Мать поставила на стол завтрак, вглядываясь внимательно и тревожно.

– Сынок... – ласково начала она после минуты молчания. – Не надо горячиться. Давай спокойно...

– Я сказал – все! – крикнул он. – Все! Вопрос закрыт! – Вилка в его руке дрожала. – Что вам с лоботрясом и оболтусом... – скривился он вдруг, пытаясь изобразить усмешку, но не закончил и, резко взмахнув рукой, уронил хлеб на пол.

Краска залила матери лицо, она смутилась почти до слез.

– Ах... да не обращай ты внимания!.. Ты папу нашего не знаешь?.. – поспешно и сконфуженно заговорила она. – Не надо, Олежка...

– Теперь знаю! – выкрикнул он и, швырнув вилку, встал. – Знаю! Я чужой здесь... чужой совсем человек! И не останусь тут ни минуты! Ни минуты! – Губы его тряслись. Оттолкнув ногой табуретку, он вышел в прихожую и, сорвав с вешалки куртку, торопливо стал одеваться.

– Успокойся, – говорила она, идя следом, – успокойся, сынок... Ну... я потом приеду... мы все решим. Не переживай так из-за ерунды... – Это все, что она могла сейчас. Да, еще деньги. Порывшись спешно в сумочке под зеркалом, достала пятисотрублевые две бумажки. – Возьми вот пока...

– Не надо мне ваших денег! – раздраженно, как будто ждал этого, вскрикнул он и грубо оттолкнул ее руку. Натянул, нагнувшись и сердито сопя, ботинки. – А его можешь успокоить, – медленно, распрямясь уже, продолжал он с красным лицом, стараясь не сбиться и не поторопиться сказать заготовленную фразу. – Я не только ни рубля вашего не возьму, но ноги моей здесь больше не будет!

– Что ты, сыночек...

Он вышел, сильно стукнув дверью. Нина Михайловна заплакала, ткнувшись лбом в дерматиновую обивку.

На этом мы заканчиваем печатать роман Э.С. Станиславенко (псевдоним Ян Бреслав) в газете «Светлячок».

Прочсть весь текст можно будет на литературной карте нашего сайта, которая откроется 25 мая 2012 года к Общероссийскому дню библиотек.

В следующем номере «Светлячка» мы поместим отрывок из романа Э.С. Станиславенко «Альфа и Омега».

Адрес сайта: <http://andrapol.tverlib.ru>

• Пошла писать губерния

* * *

Вот такая наша жизнь, вот такая.
Порой любит нас, во всём потакая.
Иногда же, будто зверь, разрычится
И беду к нам в окно постучится.

Вот такая наша жизнь, вот такая.
Я теперь уже другой, ты другая.
Того блеска нет в глазах, потускнели.
Всё хотелось бы вернуть, не успели.

*А. Павлов,
г. Андреаполь*

* * *

Повеял ветер свежий,
качает одуванчики.
И смотрит на них нежно
девчушка в сарафанчике.
Она плетёт веночек
из полевых цветов,
ещё один цветочек –
и нимб уже готов.
Чудесней всех на свете
принцесса та прекрасная!
Мечты мои о лете
бывают очень разные.

*А. Бигарь, 12 лет,
п. Бологово*

ПЧЁЛКА

У пчёлки, маленькой такой,
Забот невпроворот:
То собирает мёд она,
То улей стережёт.

Лишь встанет солнце поутру,
Обсохнет чуть листва,
Уже над липою кружит
Работница пчела.

Потом спешит она на луг,
Как будто на пожар,

Спешит, чтобы собрать с цветков
Живительный нектар.

Так пчёлка трудится весь день,
Недели напролёт.
У пчёлки, маленькой такой,
Забот невпроворот.

*О. Соколов,
п. Бологово*

* * *

Вниманье часто обращаем на лицо,
А зря, ведь надо бы на душу.
Лицо красивым может быть у подлецов,
Ну, а душа подобна грязной луже.

Тому, кто рядом, загляни в глаза,
Стараясь прочесть, что в них таится.
А, если по глазам прочесть нельзя,
Души неспешно полистай страницы.

Когда поймешь, что боль твоя безразлична,
А собеседник дарит искренне участие,
В такой душе не бойся ошибиться,
И радость с ней разделишь, и несчастье.

*Н. Шандаевская,
г. Андреаполь*

СОЛНЕЧНЫЙ МАРТ

Как люблю я такую погоду:
Когда мартовский солнечный луч
Тенью зимнюю кроет природу,
Прорываясь из тесных туч.
Когда свежестью пахнет воздух,
Полной грудью вдыхаю его,
На душе так спокойно и просто,
А на сердце – приятно, легко!
Теплый ветер колышет деревья,
Мои волосы на ходу,
Ощущая весны дуновения,
По дороге тихонько иду.
Вижу: скоро дорога растает,
Зажурчат под ногами ручьи,
Руководство весне поручая,
Избавляемся от зимы!
Зацветет, заиграет жизнью,
Как природа, так и душа,
Запах тёплый все ближе и ближе,
Ах, ну как же весна хороша!

*Ю. Алексеева, 17 лет,
п. Бологово*

Наталья Ушакова

Воскресение

РАССКАЗ

О время, время, - ты лучший лекарь душевных ран...

По петляющей меж колосающейся ржи тропинке идет молодая женщина. В руках ее сумка с немудрящими продуктами из сельмага. Нещадно печет июньское солнце, высоко в небе разливается трель жаворонков. Чуть впереди бежит белокурая девчушка лет четырех, то и дело

наклоняющаяся к обочине, чтоб сорвать очередной цветок. Зажав их в кулачок, она подбегает к матери: «А я тебе букотик подаю!» - « Не букотик, а букетик,» - поправляет ее мать. « Я и говолю букетик,»- отвечает малышка, и обе звонко хохочут!

Настасья умерла душной августовской ночью, когда ее единственная семнадцатилетняя дочь лишь на минутку смежила веки, смертельно измученная бесконечными бессонными ночами, полными боли и страдания к больной раком матери.

Похороны и поминки Таня помнила плохо, лишь каждый вечер, как во сне, ходила за околицу к дорожному ее сердцу свежему холмику. Прошел август. Соседка тетя Валя, получив свежую газету, как-то окликнула Таню: «Ну что, надумала где учиться будешь, смотри еще на ткачих набирают, пойдешь?»

На курсах ткачих был недобор, и Таню, окончившую десятилетку с отличием, взяли с большим удовольствием. Нехитрые премудрости ткацкого дела днем как-то отвлекали девушку от грустных мыслей о рано ушедшей мамочке. Но вот вечером, оставаясь в общежитии в одиночестве, когда подружки убегали на танцы или в кино, Танюшка опять грустила. Снова щемящей тоской заползали в душу воспоминания...

Закончились 3 месячные курсы, сданы зачеты, впереди - самостоятельная работа. Таня решила съездить в деревню, ведь работая на фабрике, не скоро вырвешься.

Выходные пролетели незаметно. В ноябре темнеет рано. Девочка еле успела на последнюю электричку в город. Как всегда занятая невеселыми мыслями, навеянными посещением родного дома, она и не заметила, что в вагоне одна. На последней перед городом остановке в поезд вошли двое развязных пьяных парней. Таня не сразу поняла, что хотят от нее, когда они вытащили ее в тамбур и, пригрозив выбросить из поезда на полном ходу, стали срывать одежду, повалив на грязный пол. Она не могла от страха даже закричать. Дальнейшие события будто выпали из ее помутнившегося сознания. Очнулась девочка ночью. Электричка стояла в тупике. На ватных ногах Таня вышла к вокзалу, и остаток ночи, в оцепенении провела на уличной скамье.

В общежитии девушка никому ничего не рассказала, только еще больше замкнулась в себе. Ей было так стыдно. Таня чувствовала себя такой грязной и униженной. Но это было, как оказалось, не самым страшным. Через некоторое время она поняла, что – беременна! Ужасу девчонки не было предела! Повеситься, броситься под поезд, каких вариантов своей кончины она не перебрала. Но вдруг, как озарение, в ее воспаленном мозгу: Я УНИЧТОЖУ ЕГО!!! Ребенка про себя она никак не называла, даже не хотела думать кто может быть: мальчик или девочка. Лишь неизменное ОН - ее враг, поселившийся внутри ее, лишивший сна и покоя! Чего только не делала Танька, в надежде, что случится выкидыш, таскала в цехе на пузе самые тяжеленные тюки ткани, с силой спрыгивала с подножки трамвая, нарочно одевалась легко в холод, чтоб заболеть и избавиться от НЕГО. Ненавистного. Но ничего не случилось. Организм был молодой и крепкий. Поняв окончательно, что ничего не изменишь, Танька стала думать, как избавиться от НЕГО после родов. Каждую ночь она лежала и представляла, как это сделает. Решено было родить в каптерке, самой дальней комнате этажа, где хранились праздничные плакаты и портреты вождей, затем завернуть ЕГО в белую (неприменно белую) наволочку и там оставить. Приняв свое жуткое решение, Танька даже как то успокоилась и стала ждать роды. Душевные муки так истерзали ее, что девчонка стала похожа на старуху. Широкий халат в цеху, старое бесформенное платье дома хорошо маскировали ее положение.

(начало на стр. 14).

Стоял такой же душный август, как и год назад. В субботу вечером Танькины соседки по комнате отправились на танцы. Вдруг ночью Танька поняла: началось! Она поднялась с кровати, сняла с подушки белую наволочку и направилась в каптерку.

Чтоб не кричать, Танька до боли закусывала губы и упиралась головой в бетонную стенку, стоя на четвереньках на полу. Казалось, что ее мучениям не будет конца. Но вдруг женским чутьем она поняла, ОН сейчас родится. Танька легла на пол, ребенок родился маленьким и слабым. Когда роженица поняла, что все закончилось, она села на полу. Расправила на коленях белую наволочку, тяжело вздохнув поглядела на ребенка. Она поняла, что это девочка. Малышка лежала на полу чуть шевелясь и издавая хриплые звуки. Танька взяла младенца, чтоб не глядя засунуть в наволочку. Интуитивно почувствовав тепло материнских рук, дите сжало кулачки и приоткрыло глазки...

На Таньку смотрели глаза ее горячо любимой мамочки, такие же бездонные и небесно голубые! Женщина вздрогнула, тело ее будто прошибло ударом молнии. Руки схватили ребенка и прижали к груди, из которой вырвался душераздирающий звериный крик такой невероятной нечеловеческой силы, от которого, казалось, сейчас рухнут небеса... Она орала, рычала, скрипела зубами. Из ничего не видевших глаз ее ручьем текли слезы на маленькое розовое тельце тоже орущего во весь голос младенца. В крике этом было все: невероятное унижение, испепеляющий душу стыд, бесконечные душевные муки длящиеся долгие девять месяцев. Вдруг тело Таньки обмякло, и душа ее разом освободилась от дикой боли и пыток кромешного ада... Такой и нашла ее через минуту вахтерша тетя Шура.

Очнулась Таня только поздним вечером в больничной палате, когда над ней заботливо склонилась акушерка.

За окном догорал августовский день. Было 17 августа, годовщина смерти Таниной мамы Анастасии и день рождения ее чмокающей у груди дочки Настюшки!

• Новые стихи

НОЧНЫЕ ПОЕЗДА

Я ненавижу вас, ночные поезда!
Откуда? Кто вы? И зачем? Куда?
И предпоследней из земных невольных воль
мне душу ранит ваш истошный вопль.

Вокруг суровых монолитных шпал –
как обречённых поколений черепа:
обломки щебня с насыпи крутой
грозят грядущею фатальною бедой.

А этот беспощадный судный свет,
которого страшнее просто нет,
он прёт на вас, как бы лишая глаз,
пророча неизбежный смертный час.

Бесчеловечный тать страны чужой,
он издевается над телом и душой.
Всё ближе поезда ритмический потоп.
Он с неусопшим заколачивает гроб.

Уже он рядом. Чую смрад и смог.
Сейчас он выбьет табуретку из-под ног.
Он ускоряет кровожадную езду.
Он пожирает путеводную звезду...

...Неоднократно я, слоняясь вдоль рельс,
прорепетировал свой предпоследний рейс.
Но кинуться пока я не готов
под джаггернаут русских городов.

Четвертовали вы лишь дни моей весны,
исчадь ада, дети сатаны.
И потому повсюду и всегда
я ненавижу вас, ночные поезда.

ВБЛИЗИ ПОС. КОСТЮШИНО

Скудеет мир по части белых пятен,
немного в нём осталось чистых роц.
Мне этот край безлюдностью приятен:
здесь нет туристов, активистов, тещ.

Над местностью нависла неба крышка,
и все дороги на исход равны:
логично горизонт венчает вышка,
к которой все мы приговорены.

Но так годил, иль как-то пригодился,
а углубляясь в сосновый лес,
забудешь жёлтый дом, где вдруг родился,
забудешь, что был «член КПСС».

Забыв, найди погуще группу сосен,
войди в их сонный их подкронный мрак.
Сиди себе – не задавай вопросов.
Пока пускают в лес за просто так...

М.Никоноров

• Улыбнись

После праздничного дня,
После шумной вечери
Не терзайте вы меня,
Угрызенья печени!..

Я б на остров уехал Барбадос,
Попивал бы там ром и кальвадос, -
Но к дивану прирос:
«Барбадос, кальвадос»!..
Чай остынет – а мне это надо-с?!

Встретил лебедь лебедих, -
Шасть к одной: «Ich liebe dich!»
Та: «Отстань, прелюбодей!
Либишь всяких... лебедей!»

Огладив ценности семейные рукой,
Он отвернулся на заслуженный покой...

Явились гости в тоске и мыле...
Не обглодали – так перемыли!

Путник, коль у тебя в дороге
От озноба дыханье спёрло,
И в пути промочил ты ноги –
Не тупи: промочи и горло!..

Мы будем в сказки верить, живя ни так - ни сяк,
Пока любой царевич у нас – Иван-дурак!

Порой баран создаст «научный труд», -
Потом стада сидят и «репы» трут.

...Есть где-то Тауэр и ворон-крестолаз...
У нас – не так: тут даже голуби вальжней,
И свысока кладут не только глаз,
Господской милостью соря со Спасской башни...

Опять играют с нами наши рулевые, -
О, как приелись нам их игры ролевые!..

...Я с вами чай не пью и кофей не танцую!..

...Едва дождался темноты, чтоб выйти в свет!

... Не Диоген, но с третьей бочки заикаюсь...

г. Нелидово

Игорь Столяров,

• Байки на скамейке

МУХА

- Ой, бабы! Мой-то совсем с ума сошёл, -
взахлёб рассказывала Верка соседкам на
дворовой скамейке. – На старости лет ревновать
вздумал.

- Тыфу ты, тьма лихая! Это как же?

- А так же. Приехал домой пьяненький
белым днём. Обедать не стал. Посидел,
побурчал себе под нос ерунду какую-то. Но,
видать, сильно его разморило – до кровати
доковылял, да и заснул. Ну, думаю, слава Богу,
угомонился, пускай проспится.

А сама щей себе кисличных налила, решила
поесть, пока он спит. Люблю я их, бабы,
сильно. А тут наварила, душу свою ублажить
хотела. Сметанки побольше положила, лучку
зелёенького, укропчика, яичка домашнего
покрошила, в общем, сдобрила, чем могла.
Аромат по кухне такой...

Ну, и только собралась душу отвести, тут,
как назло, здоровенная муха залетела, да и
давай по кухне туда-сюда мотаться. Я её
выгонять стала. Так эта чёртова муха словно
дразнит. Уселась на окно и скачет по стеклу, с
места на место, как блоха. Я рукой-то за ней по
стеклу вожу – и так, и эдак, пропади она
пропадом.

А напротив мужики-строители новый дом
возводят, лазают там, копошатся. Неудобно как-
то стало, не увидели бы мои нелепые движения.
Вдруг сзади:

- Ну что, уже зовёшь, уже машешь!?

Это мой проснулся, да и стоит в дверях, за
мною наблюдает.

Не успела я, бабоньки, повернуться, как он
тарелку мою со стола хватает и... Поплыли мои
щи и по стене, и по стеклу, и по мне.

Уж не знаю, вино
ему в голову дурью
ударил или сон какой
приснился, только
гляди, чего удумал,
старый дурак, –
ревновать! И какая муха
его укусила?

Нина Шандаевская,
г. Андреаполь